

РОЛЬ ПОПОВСКИХ СТАРОСТ В ДЕЛАХ ЦЕРКОВНОГО СУДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСНЫХ КНИГ СУДНОГО ПРИКАЗА РЯЗАНСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА 1660–1670-х ГОДОВ)*

И. А. Бусарев

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 30 августа 2023 г.

Аннотация: институт поповских старост в XVI–XVII вв. являлся одним из важных проводников церковной власти высших иерархов на местах. Они выступали в качестве надзорного органа за правильным поведением местного духовенства, участвовали в решении имущественных споров, а также по указам местного митрополита принимали участие в расследовании духовных дел священников. Настоящая статья посвящена исследованию роли поповских старост в решении церковного суда в духовных делах священнослужителей и церковного клира.

Ключевые слова: поповские старосты, записные книги, частная жизнь, церковные судебные дела.

Abstract: the Institute of popovsky headman in the XVI–XVII centuries was one of the important conductors of the church authority of the highest hierarchs in the field. They acted as a supervisory body for the correct behavior of the local clergy, participated in the resolution of property disputes, and also, according to the decrees of the local metropolitan, took part in the investigation of the spiritual affairs of priests. This article is devoted to the study of the role of the popovsky headman in the decision of the church court in the spiritual affairs of the clergy and the church clergy.

Key words: popovsky headman, records, private life, cases tried by the ecclesiastical court.

Организацию власти в церкви во все времена отличала многоуровневая система с четко регламентированными обязанностями каждой следующей в иерархии ступени. Основная часть церковных служителей была представлена священниками и дьяконами, вместе составлявшими самое многочисленное и в то же время низшее звено в церковной иерархии. Священники были обязаны проводить богослужения согласно церковному богослужебному кругу, удовлетворять духовные потребности населения, венчать свадьбы, крестить детей, отпевать покойников. В то же время нередко были случаи, когда священники нарушали правила поведения, предписывающие им вести правильный образ жизни, ненадлежащим образом исполняли богослужения или не исполняли их вовсе в своих церквях и вели предосудительный образ жизни. В XVI в. после Стоглавого собора контроль за нравственным состоянием священников был возложен на новый институт поповских старост, члены которого выбирались из среды местного духовенства и отвечали за определенную территорию.

Институт поповских старост не часто становился объектом изучения историков. В дореволюционной историографии институт поповских старост был рассмотрен в работе И. Ф. Перова. В своем исследовании, посвященном епархиальному управлению, говоря об органах, помогавших епархиальному архиерею в управлении церквями и монастырями, Перов рассказал в небольшом очерке и о поповских старостах. Историк говорил о процессе избрания поповских старост и тех требованиях, которые были предъявлены к кандидатам на этот пост, а также, исходя из постановлений Стоглава, перечислял основные функции старост, в том числе наблюдение за исправным совершением духовенством служб, за нравственным поведением духовенства, сбор архиерейской дани, просмотр ставленных и иных грамот духовенства [1, с. 106–110].

Институт поповских старост был рассмотрен в контексте всей истории церковного суда в изданном в 1917 г. труде о. Николая (Ярушевича), который только упоминал о них в связи с их возникновением в конце XIV – начале XVI в. и последующим официальным оформлением в рамках Стоглавого собора в 1551 г. Он раскрыл их основные функции, которые были определены для них Стоглавом, и написал о той роли, которую старосты играли в епархиальных судах. При этом исследователь отмечал, что самостоя-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00850.

© Бусарев И. А., 2023

тельные судебные функции старосты были сведены лишь к братскому увещанию нарушителей [2, с. 300–302].

В современной российской историографии изучение института поповских старост по Стоглаву было продолжено в статье С. В. Лунина. В своей работе он подчеркивает, что инициатива утверждения этого института принадлежала самому царю, чтобы поднять авторитет духовенства среди мирян. В статье также приведен порядок выборов поповских старост, их количество в Москве после решений 1551 г. Однако основная часть работы исследователя посвящена определению функций поповских старост по Стоглавскому собору. В заключении Лунин говорит о том, что институт поповских старост был близок к губным органам самоуправления, реализуя функцию общественного контроля и ограничивая полномочия власти [3, с. 11–16].

К подобному же выводу приходит в своей статье и В. В. Маладин, который, сравнивая выборных представителей церковной власти и местные сословно-представительные учреждения, делает вывод о том, что поповские, губные и земские старосты являлись элементами одной системы. Основной же акцент в статье исследователь делает на выборах поповского старосты и финансовых сборах, которые осуществляли старосты в пользу правящего архиерея. По его мнению, именно финансово-податная сфера объединяла земских и поповских старост [4, с. 270–274].

Таким образом, в историографии основное внимание преимущественно уделялось вопросу об основных обязанностях поповских старост по Стоглавскому собору и почти ничего не говорилось о практике их участия в делах церковного суда. Поэтому целью настоящей работы является изучение той роли, которую играли поповские старосты в решении духовных споров священников. Представление об этом дают записные книги Судного приказа Рязанского архиерейского дома 1660–1670-х гг., которые содержат обширный материал по указанному вопросу. Помимо этого, записные книги могут дать представление об истории частной жизни духовенства, как самих старост, так и челобитчиков.

В духовных делах священников, как правило, чаще всего речь идет о нарушении правил церковного венчания брака. Поповские старосты были обязаны уведомлять вышестоящие церковные власти о подобных нарушениях. Так, поповский староста Тамбова Кирилл доносил в Духовный приказ, что «ведома ему учинилоса» про знаменского попа Григория, что он венчал третий брак при живом муже невесты [5]. В этом случае одно дело переросло в другое, не менее серьезное и важное. Посланные за попом Григорием домовые дети боярские Семен

Елатомский и Никита Фотеев 18 октября подали еще одну отписку старосты Кирилла, из которой выясняется, что они не сразу разыскали попа Григория, так как «тот де поп Григорий поехал ис Тамбова не ведома куды», более того, это был не единичный случай, так как «и инья де попы церковныя причетники отезжают недел по пети и по шти и по десяти» [6]. Однако попа Григория удалось довольно быстро найти, так как уже 30 сентября его поставили к допросу, а спустя месяц, 27 октября, с него сняли скуфью. По делу об «отъезде» священников со своих мест в тамбовской округе архиепископ Илларион приказал провести розыск и привести тех людей «на ково языки говарят». Однако о результатах этого сыска нет никаких сведений.

Несколько отписок о духовных делах духовенства подавал поповский староста села Старая Рязань Макарий. В декабре 1665 г. он извещал на семионовского попа села Усторонь Герасия и вдового попа села Рясы Гавриила. При этом о духовном деле попа Герасия не известно каких-либо подробностей, а преступление попа Гавриила было раскрыто подробнее. Его вина состояла в том, что он «в ызбах и на пчелниках» проводил таинство венчания, а также «вдовам и девкам роженичные молитвы говарит» [7]. И если в первом случае дело попа Григория рассматривалось в Духовном суде, то здесь в январе 1666 г. после допроса одного из фигурантов дела попа Геласия был дан указ о посылке сыскной памяти в село Киструс к старосте отцу Пахомию, по которой ему велено провести сыск о попе Геласии среди крестьян деревни Усторонь, не допрашивая, однако, крестьян Елисея Житова [8], вполне возможно потому, что именно им поп Геласий говорил молитвы.

В следующий раз поповский староста Макарий подал отписку уже в декабре 1667 г., как говорит записная книга – на «товарища своего», т. е. того священника, с которым он служил в одной церкви – климентьевского попа Данила – за то, что он проводил венчание супругов, для одного из которых это был четвертый брак. Церковь не могла разрешить больше трех браков. Это дело также разбиралось в архиерейском суде. Примечательно, что во время следствия выяснилось, что Данил на самом деле взял пошлину за совершения венчания, но «сказал, не упомнит», то же самое он сказал относительно произнесения вечной молитвы. За это его лишили права священствовать. Церковное наказание служило не только для наказания, но и было предназначено для исправления человека, поэтому уже спустя три месяца попу Даниле вновь разрешили священствовать после его челобитной [9].

Известно и о других подобных делах. Например, челобитной поповского старосты села Колпаково Антония на предтеченского попа села Полянки Ива-

на о том, что он венчал мужей, в то время как их жены были живы, и за это его отлучили от священства [10]. Пример предтеченского попа Иллариона, на которого подавал отписку Зарайский староста Михаил. На этот раз он венчал жену, у которой был жив ее муж [11]. Совершая подобные противоправные деяния, священники действовали корыстно, специально скрывая доходы от венчаний, которые иначе бы шли в казну правящего архиерея и действовали в нарушение норм семейного права [12, с. 33–34].

Самовольное пострижение людей в монашеский чин также могло рассматриваться как духовное дело. Пошлины от пострижения в монахи необходимо было уплачивать в архиерейскую казну. Так, 12 сентября 1668 г. казначей Белоколоцкой пустыни Воронежского уезда старец Ефрем со всей братией били челом на черного попа Карачунского монастыря Леонида. Помимо обвинений в изъятии им из монастыря книги, ему ставили в вину также то, что он «ходит по разным селам и мирских людей во иноческий чин пострывает без указу великого господина самовольством». Казначей боялся, что обязанность по выплате пени за подобные пострижения возложат на его пустынь, поэтому просит, чтобы «им бы казначею з братею... от великого господина в пени не быт». К поповскому старосте Воронежа Сергию послали грамоту, по которой ему необходимо было выслать черного попа Леонида за поруками в Переславль [13].

Более поздний документ дает возможность понять, что делали с такими незаконно постриженными людьми. В 1675 г. староста Белоколоцкого острога Климент извещал о том, что архангельский дьячок Усмани Стефан воровски постригся в городе Романов у черного попа Спасовой пустыни Макария. В решении по делу митрополит Иосиф снял со Стефана сан, велел бить плетью и указал вновь жить с женой. После присылки Макария в Переславль старостой Романова Иваном его указали дать под начала, однако, не дожидаясь решения по этому делу, он уехал обратно самовольно [14].

Одной из обязанностей поповских старост по Стоглаву был надзор за священниками, чтобы те правильно исполняли церковные службы. Тот же староста Макарий в январе 1668 г. подавал отписку, где помимо стандартного извещения о венчании брака «от жива мужа» и венчании без венечного знамени Макарий ставит в вину священнику Полуэтку то, что тот совершает богослужения «не единогласно» [15]. Единогласная молитва явилась одной из следствий реформы патриарха Никона, контроль за исполнением которой также был возложен на поповских старост. Впрочем попа Полуэкта отлучили от священства все-таки за венчание без венечного знамени, что для судей, по всей видимости, могло явиться более серьезным проступком.

Поповский староста села Ракша Никифор в декабре 1675 г. прислал в Судный приказ семерых старцев своего села, которых обвиняли «о расколе и новоисправных книг, и о службе церковной, и кресте, и о молитве, и о постриге и чернеческом келейном правиле, и о всяком чернеческом житии» [16]. Таким образом, после церковного раскола еще одной прямой обязанностью церковных старост, помимо всего прочего, стал надзор за священнослужителями и мирянами по правильному выполнению пунктов церковной реформы патриарха Никона. Неприятие же пунктов реформы могло быть рассмотрено как духовное дело.

Среди духовных дел встречаются отписки старост, в которых священники обвинены в блуде. В июне 1667 г. поповский староста села Ракша Никифор подавал изветную челобитную на никольских попов села Сысоево Фому и Кирика в духовных делах. На самом суде в приказе поп Фома попрекал «на мирском сходу» Кирика, что тот живет блудно со своей дочерью, и тем, что Кирик раскрывает «всему миру» тайну исповеди. Кирик не остался в стороне и обвинил Фому в блудном сожителстве со своими духовными дочерьми. Помета в конце документа говорит о том, что об этом последнем обвинении не было произведено сыска. Архиепископ Илларион запретил служить обоим попам [17]. Вполне возможно, что подобные обвинения не имели под собой никаких оснований и были частью конфликта священников, стремившихся обвинить друг друга в как можно более тяжком преступлении для того, чтобы иметь возможность завладеть большим доходом от церкви.

В мае 1678 г. елецкий поповский староста Иаков подал в Духовный приказ сказку казачьей жены Талецкого острога Анны Нестеровой, обвинявшей исосимовского попа Конона в блуде с казачьими женами. Для проведения следствия по делу из Духовного приказа была послана грамота, а само следствие вели староста Иаков и игумен Троицкого монастыря Евфимий, приславшие в Переславль показания свидетелей и очные ставки истца и ответчика. По итогам этих показаний суд постановил оправдать попа Конона, а Анна Нестерова и ее сын были биты плетью [18]. В этом случае, скорее всего, также имел место конфликт между священником и его прихожанкой, который и вылился в подобное дело. Таким образом, при разборе блудных дел функции старост также были сведены лишь к извещению правящего архиерея о подобном нарушении, которое затем будет разбираться на суде в Духовном приказе. Обвинение человека в духовном деле зачастую было очень удобным способом для дискредитации оппонента, как бы по умолчанию нарушившего какие-либо церковные постановления.

В июле 1667 г. рясенин Анания Неретин подал челобитную на пречистенского попа села Шелемишево Михаила в том, что он не допускает Ананию под крест и евангелие, а также «всякое неистовство творит». В первом обвинении, скорее всего, речь может идти о том, что священник не допускает жителя к исповеди. Но примечателен документ тем, что поповскому старосте села Подвислое Давыду архиепископ Илларион делегирует полномочия провести не только розыск по делу, но и судебные мероприятия, а также взять пошлины. Правда, документ тут же оговаривает, что если конфликт не сможет разрешить сам староста, то ему необходимо будет прислать дело, а также истца и ответчика в Переславль [19]. Делегирование судебных полномочий произошло и в случае с отставным пушкарем города Зарайска Михаилом Быковым, который бил челом на соборного дьякона Ивана, по делу об «увечьи и в бесчестьи» [20]. Стоглав вполне четко определяет, что поповские старосты могли вынести наказание провинившемуся, однако это должно было быть соборное, т. е. совместное, решение, да и то за пьянство и за небрежное исполнение церковных служб [21, с. 292]. Возможно, что по некоторым вопросам, в том числе и по духовным делам, старосты все-таки могли быть самостоятельными участниками судопроизводства, не просто извещая, но и исполняя функции судьи, если речь шла о суде между мирянином и представителем церкви.

Нередко поповские старосты сами оказывались фигурантами разбирательств по духовным делам. Так, в мае 1668 г. на старосту Доброго города попа Давыда бил челом драгун Самсон Варакин и обвинял его «во многих духовных делах и посулах». Однако какие именно духовные дела и посулы имеет в виду истец, не уточняется. После очной ставки в Духовном приказе истца посадили за решетку, а попа Давыда отдали приставу Игнату Курдюкову для сбора поручных записей [22]. Судя по всему, во время сбора поручных записей Давыд продолжал находиться в Добром и исполнять свои обязанности старосты. Именно на его имя 2 июня была сыскная грамоты о расследовании блуда и побега жены драгуна Никиты Лапынина [23]. Однако отпуск Давыда домой датирован лишь 11 августа, когда архиепископ Илларион «литургисати ему не велел» [24].

Поповский староста села Ижевское Максим писал на дьякона Ивана, что тот дьякон «нарядясь в женской платя по улицы ходя плесал и в среду и в пятницу мяса ел», что также не могло быть примером благочестия и нравственности священнослужителя. Вполне закономерно, что дьякону запретили совершать литургии [25]. Другая запись дает основания предположить, что это был ложный навет со стороны попа Максима, так как за это дело поп Максим был в

смирении, а дьякон Иван после специального сыска по делу был оправдан [26].

Таким образом, основными задачами поповских старост в решении духовных дел были доведение до сведения правящего архиерея о нарушении, что являлось основной их функцией; проведение следствия по делу, сыска и розыска; отдача провинившегося на поруки; сбор пошлинных денег – пени – за совершенные судопроизводства; а также, судя по всему в очень редких случаях, поповские старосты с разрешения правящего архиерея могли проводить судопроизводство, вынося решения по тем или иным делам. Стоит, однако, подчеркнуть, что поповский староста не был в полной мере самостоятельным участником судебного процесса, а лишь выполнял указы вышестоящего архиерея и не мог сам выбирать, как ему действовать в процессе судопроизводства, при этом, в случае затруднений в решении и рассмотрении дел, старостам нужно было передавать материалы дела в Духовный приказ для полного разбирательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перов И. Ф. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках / И. Ф. Перов. – Рязань, 1882.
2. Иеромонах Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича (1649 г.) / иеромонах Николай (Ярушевич). – Петроград, 1917.
3. Лунин С. В. Институт поповских старост по Стоглаву / С. В. Лунин // Вопросы экономики и права. – 2011 – № 3.
4. Маландин В. В. Выборные представители церковного управления и система местных сословно-представительных учреждений России в XVI–XVII вв. / В. В. Маландин // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 4.
5. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Библиотека. – № 13115. – Л. 13.
6. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 78.
7. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 116.
8. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 116 об.
9. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 370–370 об.
10. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 127 об.
11. ГАРО. Библиотека. – № 13105. – Л. 523.
12. Козляков В. Н. «Как живут добрые люди» (источниковедческие проблемы изучения частной жизни в России по материалам «духовных дел» 1660–1670-х гг.) / В. Н. Козляков // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 26–36.
13. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 525–525 об.
14. ГАРО. Библиотека. – № 13105. – Л. 75–76.
15. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 396–396 об.
16. ГАРО. Библиотека. – № 13105. – Л. 283.
17. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 253–253 об.
18. ГАРО. Библиотека. – № 13105. – Л. 645.
19. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 274–274 об.
20. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 497 об.

21. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М., 1985. – Т. II.
22. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 478.
23. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 490.
24. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 478.
25. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 79.
26. ГАРО. Библиотека. – № 13115. – Л. 130.

Институт российской истории Российской академии наук

Бусарев И. А., аспирант

E-mail: busarev1978@mail.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Busarev I. A., Post-graduate Student

E-mail: busarev1978@mail.ru